

ВИНОВАТЫ ЛИ МЫ, ИЛИ «УСВОЕННАЯ БЕСПОМОЩНОСТЬ» КАК ГИБЕЛЬ «ВНУТРЕННЕГО АГЕНТА»

*Лилит Епремян**

В последнее время в исследованиях по историографии и этнопсихологии звучит призыв к объективному анализу причин серьезных поражений и потерь армян, переживших Геноцид. Причин «внутриармянского» порядка, доли «армянской вины» в том, что произошло. В частности, в статье Карена Микаеляна «Армянские претензии и требования» [1, сс. 261-273] автор призывает перестать искать причины своих неудач вовне и попытаться раскрыть их изнутри, признать, что Геноцид армян не был предрешен, неизбежен, по крайней мере, в таких катастрофических масштабах и результатах.

Однако известно, что в эпицентре проблем армянской научной и художественной литературы на протяжении веков была идея самокритичности. Начиная с Мовсеса Хоренаци и Григора Нарекаци, эта тема проходит красной нитью в отечественных исследованиях и художественных произведениях. Что же касается анализа последних двух веков, то по этому периоду самокритика – одна из доминант армянской научной мысли. В частности, известный ученый Ваагн Дадрян, выступая на апрельской конференции Института Геноцида НАН (Ереван, 2009), указал на необходимость признания армянами своей части вины в Геноциде армян в Османской империи. Ответственность за усиление в Турции антиармянских настроений Дадрян возложил на лидеров армянского духовенства, которые «не к месту» проповедовали идеи национального самосознания, внушали людям волю к независимости. Приложив руку к сердцу, Дадрян публично покаялся и призвал всех армян признать свою долю вины в случившемся. Ни один из при-

*К.иск.н., председатель международного фонда психологов «Айк», доцент Ереванской государственной консерватории им. Комитаса.

сутствующих не сделал даже попытки возразить мэтру. Оказывается, порабощенные армяне, веками существующие на своей земле в статусе раба, дойной коровы и козла отпущения одновременно (причем этот «статус» не мог быть изменен *ни при каких обстоятельствах* – события 1908г. доказали это), не имели права проявить *волю* к освобождению, не подумав о чувствах турецких властей, которые просто не смогли совладать с собой, видя непослушание «опекаемых» ими «неблагодарных армян»¹.

Обыденное сознание армян еще более нацелено на деструктивную самокритику. «И хорошо, что зарезали нас, армян! Мало нам, мало – всех до одного надо было перерезать, все-е-е-х!!!» С этого истошного вопля армянки в сочинском поезде – с жуткого детского воспоминания Вардана Петросяна – начинается моноспектакль артиста (2007-2008) о Геноциде. Подобного рода этническое самоуничужение или этнический мазохизм психолог А.Налчаджян справедливо считает исключением [3, с. 406], поскольку для жизнедеятельности здорового этноса необходима положительная социальная идентификация. Однако этнонигилизм – отрицательная идентификация, тотальный нигилизм армян по отношению друг к другу на уровне обыденного сознания – отнюдь не исключение, его даже можно назвать одной из характеристик нестабильного современного армянского социума. К счастью, не единственной, но одной из основных. На фоне разного рода благотворительных марафонов, укрепляющих общеармянское единство, тесных межличностных контактов, есть и другой полюс отношений: отвращение в армянском мире царит повсюду вплоть до прагматической идеи: отними у соседа все, что только возможно, – ничего за это не будет, если ты сильнее. Коррупция и взяточничество, подлог и «зорбаютюн» никак не наказываются, поэтому **преступления как бы переносятся на все общество в целом, которое оказывается глобально виноватым и преступным от начала до конца.** И тот, кто стремится сохранить свои моральные устои, легко может оказаться вне реального общества, вне социума – он эмигрирует либо физически, усиливая катастрофические масштабы ассимиляции уже в первом поколении, либо ментально, существуя в воображаемом мире «истинной» Армении, утопической совершенной ее модели, недостижимой в реальной жизни.

¹ Развенчанию мифа о «неблагодарных армянах», будто бы живших в Османской империи в исключительно благоприятных условиях и не оценивших заботы и благодетельства «родного» государства, посвящена статья А.Мелкояна [2, сс. 109-125].

Для армян, которых не устраивают поведенческие модели ухода из реального этнического пространства, по большому счету, есть два пути: они либо могут впасть в депрессивное состояние, которое характеризуется крайним нигилизмом, параличом волевых, действенных характеристик человека. Либо личность сама может стать **волевым центром** положительных трансформаций действительности, делая их близкими и возможными. Главное отличие таких людей – в некоем нестигаемом, внутреннем стержне, в огромной жизненной энергии («запас прочности»), которая позволяет им подняться из любой травмирующей ситуации и сконцентрировать вокруг себя **поле волевого действия**¹.

Как известно, радикальные изменения традиционного сознания, вызванные катастрофами, приводят к способам спонтанного реструктурирования этноса. В экстремальной ситуации этнос прежде всего воспроизводит обычную для себя реакцию на опасность. Что можно считать первичной реакцией армянского этноса, веками лишённого государственности? Дробление этноса и выживание в одиночку. «Мы выжили, – считает кинорежиссер Карен Геворкян, – благодаря армянской семье. Поэтому наш семейный инстинкт был, есть и будет психологической доминантой нашего личностного сознания и подсознания. Он же является основой поведенческой мотивации. Но если наше ментальное сознание замкнуто на институт семьи и ее выживание любой ценой, то это говорит не только о прочности самой семейной ячейки в армянстве, но и нашей семейной ответственности как высшем приоритете. В этом случае все прочие обязанности мужчины-армянина оказываются за чертой главной и основной его ответственности. Сегодня на обочине нашей ответственности оказалось и само армянское государство, которое мы строим с оглядкой на собственную квартиру» [5, сс. 13-14]. А если так, то социальное преступление, совершенное ради укрепления благосостояния семьи, на уровне обыденного сознания преступлением как бы и не считается. Достаточно негласно закрепить этот порочный тезис в ценностной системе координат современного армянского государства, чтобы весь армянский мир разделил ответственность за девальвацию моральных устоев

¹ Принципиально важно, что такого рода действенность не сводима к явлению **повышенной пассионарности** (Лев Гумилев), поскольку важной ее составляющей является высокая планка нравственных критериев действительности, к которым безразлично понятие Гумилева [4].

общества. Любое несчастье, которое может низвергнуться на Армению в этом положении, – закономерность, оно будет истолковано как кара за «природную ущербность», «преступность» армянской ментальности, которой будто бы просто не дано быть субъектом собственной воли из-за чрезвычайной моральной нечистоплотности. Для народа христианского мироощущения, для которого философия Нарекаци современна и актуальна в XXI веке, эстетика самоочищения, самобичевания и самоунижения естественна и оправдана сегодняшними реалиями. Реалиями, которые способствуют разобщению этноса и **отчуждению** армян от своего государства.

Армяне, обладающие волей к свободному самоопределению, справедливому социальному устройству, самоутверждению – наличие именно этого качества глобально способствует укреплению армянской государственности и препятствует разгоревшимся аппетитам пантуранизма, о чем, например, недвусмысленно высказался глава Исламского комитета России Гейдар Джемаль: «Армения как страна должна быть упразднена... Я не призываю к уничтожению армян. Армяне могут прекрасно ужиться на территории Иреванского ханства, то есть на территории Азербайджана. Они могут там жить себе спокойно, чинить ботинки, играть на дудках. Просто Армении как суверенного государства не должно быть. Вот и все»¹. То есть не стоит «мараться геноцидом», считает Джемаль, достаточно уничтожить способность армянского народа к волевому воздействию на внешний мир, и он будет побежден. Именно этой «сверхзадаче» – **уничтожению волевого стержня армянского народа**, необыкновенно рано оформившегося как этнос, – были посвящены многовековые усилия всех мыслимых и немыслимых поработителей армян. И каким же сильным должен был быть этот стержень, чтобы, в который раз оправившись, сегодняшняя Армения могла состояться и выйти победительницей из карабахского противостояния.

Если локализовать эту проблему на периоде Геноцида, то можно предположить, что эта национальная катастрофа стала не только **причиной** морального и физического уничтожения армянского народа, но и сама, возможно, могла явиться в некотором смысле **следствием** многовекового процесса «обнуления» национального достоинства армян. Еще задолго до Геноцида была соз-

¹ Интервью Г.Джемалю корреспонденту бакинской газеты «Зеркало», 27.10. 2009.

дана благодатная почва для утверждения «ущербной армянской самости» – будто бы главной причины всех армянских бед. Поэтому судить сегодня о том, что мог и чего не сделал для самосохранения армянский мир вне этих исторических реалий, вне понимания психологических проблем, тормозящих развитие армянского этноса, неправомерно. **На самом деле вся вина армян в случившемся (если категория вины тут вообще уместна) в конечном итоге сводится к отсутствию веры в себя, в собирательную волю этноса.**

Однако очевидно, что речь не идет о вине в настоящем смысле слова, скорее – о болезненной трансформации этнической ментальности. Выражение «Геноцид 15 года» мы склонны воспринимать как некий символический знак, в котором в наиболее сильном виде сконцентрированы реалии насилия над армянским населением, поскольку не секрет, что насильственные действия над армянами носили хронический характер на протяжении столетий. Такая «хроника» могла привести к значительным ментальным изменениям. Кстати, не случайна поговорка «*Շարհուլար ծեծած տեղն է խիլուի*» («Град бьет по привычной цели») – она указывает на закономерность преемственности, повторения травматической ситуации. «В социально-политическом отношении патриархальное армянство Нагорья было многом похожим на корову, которой оставили минимально необходимое для выживания, чтобы иметь возможность ее доить, прежде чем однажды взять вместо молока мясо и кожу (вспомним смысл термина “райя”), – пишет публицист К.Агекян. – И некоторые современные турецкие интеллектуалы, которые пишут об армянах в истории Турции уже без ненависти и с долей симпатии, даже готовы с оговорками признать спланированное уничтожение, делают это потому, что считают “корову” мертвой. От армян брали все, что только можно: постоянно – труд и его плоды, периодически – землю, дома, имущество. Вытягивали и продолжают вытягивать способности и силы через ассимиляцию или просто использование в чужих проектах, чужих системах. Это крайняя степень уязвимости по отношению к внешней среде, внешним силам. Сегодня очевидны как многосторонняя уязвимость периферии, так и постоянное использование современным миром этой уязвимости. Выход из такого положения – крайне насущная задача»¹.

¹ Агекян К., Опасности временной периферии. Armenia Today 04.12.2011. http://armtoday.info/default.asp?Lang=_Ru&NewsID=56414.

Все, о чем говорится в данной статье, должно восприниматься с важнейшей оговоркой и учитывать уникальный предмет исследования – армянский народ. Народ, который выжил в веках вопреки всем обстоятельствам, построил Советскую Армению, организовался в диаспоральных структурах, победил в жесточайших войнах и теперь пытается отстоять свою государственность, насчитывающую два десятилетия. Вместе с тем огромное жизненное любие, воля к созиданию, которые не дали окончательно сломить дух нации, еще не повод игнорировать ее психологические проблемы. Они требуют своего разрешения и могут «мстить» все более углубляющимся травматизмом с катастрофическими последствиями. Выход из болезни, восстановление моральных сил нации, ее воли и способности к конструктивной деятельности – в интересах всего человечества.

Обратимся к теоретическим конструктам, которые способны раскрыть механизмы проявления у армян этнического мазохизма (обратная крайность: модель «мы самые-самые» – лишь другое выражение рассматриваемого комплекса неполноценности).

Среди психологических теорий личности XX века одной из основных в аспекте изучения самооценки является **когнитивная теория личности** А.Бандуры [6], которая анализирует воздействие внешних влияний на поведение и реакции человека. Центральной категорией теории Бандуры стало понятие «самоэффективности» (*self-efficacy*), которое определяет самооценку человека, исходя из различных факторов (когнитивного, мотивационного, эмоционального и селективного). Убеждения людей в собственной эффективности влияют на разработку ими в мышлении сценариев поведения и на постановку целей. Чем выше самоэффективность личности, тем более высокие цели ставит перед собой субъект и тем большую настойчивость в их достижении проявляет. «Люди, убежденные в собственной способности осуществлять контроль над потенциальными угрозами, не продуцируют беспокоящих и тревожных образов и поэтому не испытывают на себе их разрушительного воздействия, те же, кто убежден в собственной неспособности справиться с потенциальными угрозами, переживают высокие уровни тревожного возбуждения» [7, с. 777].

Серия опытов над животными обнаруживает разительное сходство с поведением человека. Так, физиолог Селигман подверг электрическим ударам две группы собак. Контрольной группе предоставлялась возможность научиться избегать ударов: собака могла перепрыгнуть через загороженную часть в другой отдел клетки, куда ток не подводился. Другой группе собак давали серию ударов, которых нельзя было избежать, а уже потом предоставляли возможность научиться избегать их. Но они не только не могли, но даже не пытались этого сделать. Селигман назвал это явление **«усвоенной беспомощностью»**. Другой исследователь, Джей Вейсс, провел эксперимент с крысами. Крыса, услышав сигнал, могла вспрыгнуть на платформу и тем самым избежать от электрического разряда и себя, и своего партнера (если крыса чуть запаздывала, она могла прекратить разряд, вспрыгнув на платформу после его начала). Другая группа испытуемых не имела такой возможности. Опыт показал, что животные, способные предотвращать электрический разряд или прекращать его, были менее подвержены язве желудка, чем их беспомощные партнеры, хотя обе группы получали одинаковое число электрических ударов. Как полагает Вейсс, «беспомощные» животные характеризуются (временным) истощением запасов норадреналина в ткани мозга. Таким образом, даже для крыс предсказуемость внешних событий, возможность влиять собственными действиями на ситуацию и связанное с этим чувство уверенности в своих силах служат защитой от стресса и его последствий.

Исследования на людях показали, что сходным образом обстоит дело и с нашим собственным поведением. Добровольцев подвергали воздействию электрического разряда, которого нельзя было избежать. У тех испытуемых, которые были уверены, что нажатием на кнопку способны остановить действие электрического заряда, отмечалось меньшее эмоциональное напряжение в сравнении с теми, кто считал, что прекратить разряд невозможно [8, сс. 147-148].

Важно отметить, что на уровне социума или этноса категорию самоэффективности А.Бандура не рассматривает. При этом очевидно, что самоэффективность социальной общности не складывается из суммы самоэффективностей его членов. Напротив, два этих понятия могут не только не совпадать, но и находиться на противоположных позициях шкалы. То есть низкая

самоэффективность социума может сочетаться с высокой самоэффективностью отдельной личности, благодаря которой человек рассматривает трудные задачи как вызов, позволяющий ему продемонстрировать свои способности, проявляет высокую настойчивость в достижении избранной цели, быстро восстанавливается после неудач и не боится новых сложных испытаний. Однако эти качества он предпочитает проявлять в ином государстве, удешевляя усилия, в то время как в своей стране при возникновении некоторых затруднений он сразу же отказывается от притязаний, не веря в успех своего предприятия. Здесь проявляется одно из главных положений теории систем: свойства системы несводимы к сумме свойств ее компонентов.

Близкую А.Бандуре интерпретацию можно найти и в области современного психоанализа. В течение последних двух десятилетий психоанализ продолжает переживать существенную трансформацию. Одним из относительно новых проявлений этого процесса стала **теория отношений (взаимоотношений)**, которая на базе классического психоанализа создала новую модель интерпретации психологической травмы и внутреннего конфликта. Вслед за классической появляются новые теории, авторы которых пытаются вернуть внешнюю реальность в психоанализ¹. В длинном ряду психоаналитиков, отводящих внешней реальности большее место в сравнении с классической теорией, можно назвать Клайн, Винникотта, Салливена, Кохута [9]. Одним из ключевых понятий теории отношений является концепция **«внутреннего агента»**, или *agency*². Слово *agency* имеет латинский корень и означает «действующий». Под этим словом обычно имеется в виду сотрудник сыскной или разведывательной службы; представитель организации, выполняющий деловые поручения; уполномоченный. Но можно представить, что агент способен действовать не во внешнем мире и не как проводник чужих идей, а внутри вас (и именно в этом значении это слово закреплено как термин в психологии). Тогда вы свой собственный агент, способный функционировать только при определенных условиях. Каких именно?

¹ Как известно, Фрейд разделяет реальность внешнюю и внутреннюю, отмечая, что внутренняя реальность сексуальных влечений оказывает на человека большее воздействие, чем внешняя реальность.

² Концепция *agency* или «внутреннего агента» в теории отношений была представлена в Ереване в 1998г. психологом из США Джонатаном Славиним в цикле авторских лекций, которые он прочел в Лингвистическом университете им. Брюсова по приглашению Армянской психоаналитической ассоциации.

В США в конце 90-х годов прошлого века в одной из крупных страховых компаний был проведен эксперимент. Это была компания по страхованию жизни. В то время еще не было ни компьютеров, ни ксероксов, и работники должны были печатать тысячи и тысячи бланков страховых полисов без единой ошибки. Отдельно печатался каждый полис. Тысячи и тысячи машинисток изо дня в день печатали один и тот же текст. Коэффициент полезного действия падал с каждым днем, и тогда страховая компания пригласила психолога с просьбой посоветовать, как улучшить работу машинисток.

Всех работников разделили на две группы. В первой группе освободили от работы всех машинисток преклонного возраста, приобрели новые машины, сделали ремонт – окрасили стены в такой цвет, который считался оптимальным для рабочего режима. Поставили новое освещение. В конечном счете изменили практически все. Во второй группе предложили создать комитет, который сам бы решил, в каком направлении нужно улучшить условия труда. Эта группа работников встречалась в течение нескольких дней, они активно дискутировали вокруг основных проблем и в конце концов пришли к решению. Решение представляло собой очень незначительный перечень необходимых изменений, как, например, изменение угла падения света на рабочее место. Не потребовались ни новое оборудование, ни ремонт, ни новые осветительные приборы.

В итоге эффективность труда в первой группе еще более упала, а во второй резко возросла. Это очень четкий показатель «внутреннего агента». Люди, вокруг которых произошли изменения без их собственного на то согласия, впали в депрессию. Они чувствовали, что не способны влиять на происходящие вокруг них изменения. А те работники, которые ощутили свою значимость, еще более поверили в себя. **Согласно концепции «внутреннего агента», нет более важного вопроса в жизни каждого, чем то, может ли он воздействовать на окружающих, значит ли его существование что-либо в социуме.** Люди могут жить в ужаснейших условиях, но если они верят в себя и в то, что могут что-то изменить к лучшему, они не будут задыхаться в этой ситуации. С другой стороны, условия жизни человека могут быть прекрасными, но если он ощущает себя невидимым винтиком огромной машины, он будет несчастлив.

Интересно, что классическим примером отсутствия «внутреннего агента» западные ученые (тот же Славин, например, [10]) считают советское общество, где тоталитарный режим исключал возможность реального воздействия «простого советского гражданина» на общественные процессы – оставалось только единогласно голосовать за спущенные сверху решения. Однако все не так просто: одним из самых сильных парадоксов СССР было рождение такого явления, как «шестидесятничество». Оно определяется своеобразной культурой протеста, обозначенного **индивидуальной ответственностью** за идеалы гуманизма и личности. Шестидесятники стремились преобразовать социальный мир в соответствии с самыми высокими критериями, которые не были лозунгом или громкой формулой идеологического фронта – шестидесятники задавали их лично. Именно благодаря шестидесятничеству в Армении было снято табу с вопроса о Геноциде, началось мощное народное движение в связи с Армянским вопросом, результатом которого в конечном итоге можно считать победу армян в Карабахской войне.

Сопrotивление в Ване, на Муса-даге, Сардарабатская битва и другие героические страницы армянской истории возникли именно на фоне тотальной агрессии против **собирательной воли** армянского народа. Но он, тем не менее, выжил, проявив исключительные примеры этого важнейшего качества в жизни этноса, который завоевал право иметь свое государство. Уильям Сароян, Монте Мелконян, Грант Динк, Шарль Азнавур – имена, символизирующие позитивный опыт армянского влияния на уровне отдельной личности. Не только герои Отечественной войны, Карабахского протivостояния доказали это, но и, например, члены «Немезиса».

То, что деятельность членов «Немезиса» не имеет ничего общего с терроризмом, юридически доказано «судебным процессом Талаата Паши» (1921г.), который состоялся в Германии. Примечательно, что защита убившего Талаата Согомона Тейлиряна во многом строила свою победившую в суде присяжных оправдательную концепцию на тезисе **«ограниченности свободы воли»** обвиняемого. Отмечалось, что «принуждение, которому он следовал, можно назвать более чем демоническим или нравственным, возвышенным или состоянием, возникшим на патологической, соматической или эпилептической основе» [11, с. 232]. «Если что-либо в коре головного мозга

или на пирамидном пути, в центральной нервной системе оказалось под болезненным влиянием или в большой коре оказались бессознательные впечатления, которые совершали насилие над формированием воли, то в таком случае данное лицо больше не обладало свободной волей, значит, были навязчивые или болезненные впечатления, которые снимают ответственность с обвиняемого как **не полностью и не совсем вменяемого** [11, с. 212]. «Обвиняемый превратился в душевнобольного человека, и <...> **не установлено, что он владел своей волей**» (выделено мной. – Л.Е.) [11, с. 224].

Однако «ограниченность свободы воли» Тейлиряна не исключает его способности воздействия на внешний мир. Образ матери, который во сне Согомона восстал из мертвых и приказал действовать – свидетельство тому, что в нем было развито *agency*, не желающее примириться с высшей несправедливостью по отношению к его народу. «Немецкие женщины и дети рассказывали мне, – говорил на суде адвокат Нимайер, – что они сами видели эти убийства, но самая типичная картина заключалась в том, что, когда эти вооруженные дубинками люди в широких шароварах с обнаженной верхней частью тела, сопровождаемые турецкими полицейскими, нападали на армян, последние становились на колени, подымали руки к небу, склоняли головы и позволяли себя убивать. В результате у девятиста из ста убитых головы оказались в ранах. <...> Далее следует сцена, имевшая место 15 марта 1921 года (смертельный выстрел в голову Талаата). <...> [Согомон Тейлирян] поступил так, как должен был поступить, он сделал то, чего не мог не сделать» [11, сс. 230-232].

Еще один важнейший аспект теории отношений – проблема соотношения реальности и фантазии. С точки зрения теории отношений, воображаемое в сознании пациента и есть верховная реальность, которая должна быть принята терапевтом. Эта проблема раскрыта Джонатаном Славиним на примере сексуальной травмы при инцесте: «Девушка не чувствует себя защищенной и уверенной, чтобы рассказать обо всем матери, тем более если мать допустила происшедшее, – говорит он. – И тогда она начинает играть в игры со своим сознанием и искажает реальность. Что-то произошло ночью, и нет свидетелей. Она просыпается утром и видит, что все в доме по-прежнему. “Действительно ли это произошло? – спрашивает она себя. Может, я виновата в том, что случилось? Может, я была не так одета? Может, я его соблазни-

ла?» В этом случае она начинает думать, что сама виновата в том, что произошло. **Чтобы не потерять чувство *agensy*, человек должен доверять своему восприятию.** Изнасилованный человек ищет в памяти подтверждение не только для того, чтобы доказать себе, что **это** действительно произошло, а чтобы вновь вернуть доверие к себе <...> Иногда подобная ситуация возникает и при других травмах» [10]. На примере своей работы в Израиле с клинической группой людей, переживших Геноцид, Славин справедливо отмечает. «Если вы захотите сделать так, чтобы они почувствовали себя абсолютно сумасшедшими, сведите их с людьми, которые опровергают факт Геноцида. Ведь именно это происходит между армянами и турками» [10].

Исходя из этого, **отрицание Геноцида есть** иная форма Геноцида как **уничтожение *agensy***, поскольку нация вынужденно расходует огромную часть своих сил на борьбу за признание Геноцида, отклоняясь от возможности естественного развития. Одновременно такой путь является для армян единственно возможным, поскольку, только добившись признания миром факта Геноцида, армяне многих поколений смогут вернуть себе веру в собственные силы и в безопасное будущее своей страны, которая способна ответить на вызовы современности. «К сожалению, – говорит А.Айвазян¹, – в сегодняшней Армении многие не совсем ясно понимают, что же означает турецкое отрицание Геноцида. А отрицание Геноцида, согласно таким международно признанным авторитетам как, например, президент Международной ассоциации геноцидологов Грегори Стантон, является не чем иным, как “финальной стадией Геноцида: это продолжающаяся попытка уничтожить группу-жертву в психологическом и культурном плане, отказать ее членам даже в памяти об убийствах их родственников. Вот то, что правительство Турции сегодня делает по отношению к армянам во всем мире”. Всемирно известный политический активист, бывший узник нацистских концлагерей Ели Визель называет 90-летнее турецкое отрицание Геноцида “двойным убийством, поскольку оно нацелено на убийство памяти зверств”². То есть «убийство памяти» нацелено на убийство сегодняшнего армянина, на лишение его способности к созданию сильного армянского государства.

¹ Айвазян А. Геноцид армян и его последствия: <http://www.Azamatutyun.am>, 10.04.2009.

² См. Дейвид Холтхаус, Отрицающее государство. Intelligence Report, Southern Poverty Law Center, Summer 2008.

Я не разделяю расхожего мнения об «универсальном характере» агрессии турок, которая будто бы при определенных обстоятельствах проявляется в поведенческой реакции любого народа **абсолютно идентично**. По моему глубокому убеждению, необходимо серьезное исследование Геноцида с точки зрения **исключительной жестокости насильственных действий над армянами** (от ученых это потребует, в первую очередь, стальных нервов) – это даст ключ к осмыслению как осознанных, так и скрытых, бессознательных процессов в «традиционной культуре» подавления, уничтожения – экономического, морального, религиозного, физического – армян в Османской империи и прольет свет на глубинные аспекты отношения турецкой ментальности к армянской цивилизации. Очевидно, что была создана совершенствующаяся в веках **обрядовая культура, ритуализация** насилия над армянами, которую нельзя квалифицировать лишь как технику уничтожения. Вопрос этот может стать отдельной темой для научного анализа, нас же здесь интересует лишь один аспект: действия, направленные на ослабление и уничтожение *агелсу* армянского народа. «Мы живем в самой свободной стране – Турции, где единственным хозяином является турок. Нетурок по происхождению имеет лишь одно право – быть рабом»¹, – в этом заявлении министра юстиции 1930 года Махмуда Эсада спрессована главная идея пантюркизма, направленная и в прошлое, и в будущее: Турция – это весь мир под ногами «избранного» народа. В формулировке Абдула Гамида армяне – «вечные рабы», которые ни при каких обстоятельствах не могли изменить свой социальный статус. Армянин верхом на лошади или осле не смел даже проехать мимо турка: он был обязан спешиться, чтобы не оказаться на миг выше турка, хозяина страны – своей родины, в которой, являясь аборигеном, живет тысячелетиями. Резня, депортация, в конечном итоге, тотальное удаление выживших вопреки всему армян от своего жизненного ареала; насильственная исламизация населения; сексуальное использование женщин и детей; эксплуатация рабской силы армян, в том числе детей, массовая ассимиляция и асоциализация детей в многочисленных сиротских приютах, где велась их соответствующая «обработка» в соответствии с целями турецкого государства; экономический террор в виде налоговой и кадровой политики доказывают исключительную степень насилия над армянами, в разы превосходящую диктат над иным христианским населением.

¹ Мелконян Р., Новые проявления шовинизма в Турции, http://www.noravank.am/rus/articles/detail.php?ELEMENT_ID=1978&sphrase_id=17050.

Известно, что в Турецкой Республике национальные меньшинства подвергались различного рода дискриминации, однако дискриминация по отношению к разным этническим группам проявлялась в различной степени. Только один пример. Обратимся к документальному источнику – законодательному акту «Налог на имущество» («*Varlık vergisi*»), который вошел в Турции в законную силу в 1942г., то есть уже спустя десятилетия после Геноцида армян, уничтожившего практически весь человеческий, социокультурный, экономический потенциал автохтонного населения Западной Армении. И в этой ситуации турецкое правительство в секретном законодательном акте «Налога на имущество» облагает налогом граждан своей страны, исходя не из размера дохода либо имущества, а исключительно из религиозной принадлежности, разделяя население на две основные категории: мусульман и немусульман. Поборы с немусульман до десяти раз превосходили налоги с мусульманского населения, назначались волюнтаристским решением чиновника и не подлежали обжалованию. Но среди разных групп немусульманского населения армян облагали во много раз более тяжелым налоговым бременем. Так, турецкий купец выплачивал налог в размере 4,7% годового дохода, греческий купец – 156%, еврейский купец – 179%, а армянский купец – 232%. Тем самым налог с греческого торговца превосходил налог с турка в 31 раз, с еврейского купца – в 36 раз, а с армянина – в 47 раз [12, с. 138; 13, с. 58]. И это при том, что армянский народ в первом Геноциде XX века был почти полностью истреблен на своей исконной территории, но это не изменило «особого статуса» армян в Турции. К жертвам Холокоста и их потомкам Германия послевоенного времени проявила прямо противоположное отношение.

Методы уничтожения армянского населения Османской Турции свидетельствуют о том, что, возможно, одной из важнейших целей организаторов Геноцида было стремление сломить дух армянских мужчин, морально их уничтожить. Это может привести к тому, что даже если армянин выживет, не только он сам, но и его далекие потомки могут не оправиться от пережитого. И если о насилии над женщинами и детьми говорилось немало, то гораздо меньше освещены методы насилия над мужчинами. Сексуальное насилие над мужчинами в тюрьмах и в иных точках скопления мужской части армянского населения (впрочем, как и над женщинами) принимало формы обрядового действия, несущего смысл абсолютного уничтожения че-

ловческого достоинства армян. Известно, что насилие над женщинами и детьми часто осуществлялось в присутствии отца и мужа, которого силой заставляли наблюдать за происходящим, чтобы убить в нем, в первую очередь, мужское начало и только потом – уничтожить его физически. Нередки случаи, когда аскяры заставляли мальчиков-подростков своими руками убивать родных младших братьев и сестер [12, с. 14], которых те должны были и старались защитить: выжившие в этой катастрофе «убийцы» с вероятностью в сто процентов уже никогда не смогут обрести душевное равновесие и передадут клеймо братоубийцы детям. Возможные реакции жертвы описаны в психологической литературе – теория травмы, начиная с открытия стресс-синдрома Селье, получила в последние годы широкое развитие.

Например, при самых сильных душевных движениях, крайнем отчаянии, страхе смерти может наблюдаться полная утрата адекватной эмоциональной реакции: возникает апатия, человек застывает на месте, но продолжает при этом совершенно объективно, словно регистрируя события, наблюдать за происходящим вокруг. Такие состояния трудно отличить от осознанного самоконтроля в трудных жизненных ситуациях. Это скорбное оцепенение иногда трактуется как субъективное спокойствие. Приведем описание переживания, имевшего место во время Первой мировой войны на линии фронта: «Хотя нам угрожала непосредственная опасность, мы должны были всего лишь “ждать и терпеть”. Наш разум словно застыл, окаменел, опустел, умер. Это состояние знакомо любому солдату, которому приходилось неподвижно лежать под шквальным артиллерийским огнем. Чувствуешь себя усталым, утомленным до крайности. Мысли еле ворочаются в голове, думать – тяжелейшая работа; даже самое незначительное действие дается с огромным трудом. Необходимость произносить какие-то слова, отвечать на вопросы, собираться с мыслями становится тяжелейшим испытанием для нервов; дремота, приносящая освобождение от необходимости что-то делать и о чем-то думать, воспринимается как благодать. Это оцепенение действительно может перейти в сонное состояние, при котором время и пространство исчезают, реальность уплывает куда-то вдаль, чувства улетучиваются и человек теряет ощущение собственного существа – при том, что сознание, подобно фотографической пластинке, послушно регистрирует все детали. Невозможно понять, кто видит, слышит, воспринимает окружающее – ты или твоя тень» [14, с. 450].

Подобное переживание характерно для тех, кто вынужден бездействовать, находясь перед лицом непосредственной смертельной угрозы. Это состояние близко поведенческой реакции при насилии или массовом уничтожении соотечественников, когда некто случайно выживает и оказывается свидетелем смерти людей, в том числе родных и близких. Летопись Геноцида армян изобилует подобными описаниями. Пережив нечто постыдное, преисполнившись презрения к себе, человек выказывает в своем поведении настолько явные признаки замешательства и стыда, что кажется, будто он опасается, как бы люди чего-нибудь не заметили. Человек инстинктивно верит, что происшедшие в нем изменения отчетливо видны со стороны. Из таких идей развиваются параноидные состояния. Вспомним, как Гете описывает переживания Гретхен:

Где шумно, людно,

Дышать мне трудно,

Поднять глаза на посторонних – срам [15, с. 139].

Диспозиция, представляющая собой итог того или иного переживания и продолжающая воздействовать на психическую жизнь, обозначается термином **комплекс** (Юнг). В человеке развивается комплекс, который представляет собой проекцию отдельного переживания на способ восприятия мира. Комплекс всегда указывает на некоторое иррациональное последствие, имеющее своим источником нечто, пережитое в прошлом и порождающее такие чувства, суждения и действия, которые укоренены не в объективных ценностях, истинах или целях, а в самом этом субъективном последствии. Однажды возникнув, комплексы способны всецело овладеть личностью [14, сс. 453-454].

Проецируя все сказанное выше на жертв армянского Геноцида, нельзя не заметить сходства их эмоциональной реакции на пережитое. Комплекс жертвы, бессилие завладевает сознанием выживших в этом аду людей, оставляя печать на всей их последующей жизни и, как следствие, на жизни их детей. Это находит отражение и в искусстве, интеллектуально перерабатывающем трагическое событие. К сожалению, в произведениях на эту тему крайне мало отражены примеры как массовой, так и индивидуальной самозащиты, активного сопротивления. Прямо противоположна картина по Холокосту евреев, которые в своем искусстве, как правило, почти всегда стара-

ются дать модель преодоления этой травмы зримым, реальным наказанием над палачами. Не будем забывать, что это делается на фоне признанного всем миром и осужденного Холокоста.

Удивительным образом теория «внутреннего агента» связывается с результатами военного противостояния последних лет с Азербайджаном. Героическая победа армян низведена до поражения. Фактически, армянам приходится бороться не только за признание Геноцида, но и за признание военной победы в Карабахском противостоянии. Отказ от завоеваний Армении в этой изнуряющей войне выдвинут главным условием установления дипломатических отношений с Турецким государством, не признающим своей ответственности за первый геноцид XX века. Однако аналитики констатируют, что и сегодня, спустя годы после вступления в силу режима прекращения огня, Азербайджан не готов ни к войне, ни к миру. Что это значит? Что Карабахская война завершена. Может ли она начаться снова? Да, может. После победы СССР над Германией с течением времени произошли радикальные перемены, вплоть до отделения от советской империи обширных территорий, включая страны Балтии, и до развала СССР, что и было целью Гитлера. Значит ли это, что в 1945-ом Советский Союз не победил? Нет.

В таких условиях победить – значит, вопреки всему, разбудить и развить в молодом государстве чувство *агепсу* – продиктованную интересами Армении и армянства волевою способность реального воздействия в пределах собственной страны и как следствие – вовне. Не отзываться автоматически на инициативы из иных волевых центров – Москвы, Брюсселя, Вашингтона и даже Анкары или Баку, а действовать, исходя из собственных приоритетов.

Февраль, 2012г.

Источники и литература

1. *Микаелян К.*, Армянские претензии и требования. Идеология и политика // «Основополагающие правовые требования западного армянства», Международная научно-практическая конференция, Кипр-Никосия, 18-19 апреля 2008г. – М., 2009.
2. *Мелконян А.*, Тенденции демографической политики османских властей в Западной Армении (XVI – начале XX веков). // «Основополагающие правовые требования западного армянства», Международная научно-практическая конференция, Кипр-Никосия, 18-19 апреля 2008г. – М., 2009.

3. *Налчаджян А.*, Основы этнопсихологии. – Ер., 2003.
4. *Гумилёв Л.*, Этногенез и биосфера Земли. – СПб., 2001.
5. Армянский дом. Проект национальной системы нового личностного, общественно-государственного и экономического развития. – Ер., 2000.
6. *Бандура А.*, Теория социального научения. – СПб, 2000.
7. *Бандура А.*, Самоэффективность. // Психологическая энциклопедия (под ред. Р.Корсини и А.Ауэрбаха), 2-е изд. – СПб, 2006.
8. *Блум Ф., Лейзерсон А., Хофстедтер Л.*, Мозг, разум и поведение. – М., 1988.
9. *Тайсон Ф., Тайсон Р.*, Психоаналитические теории развития. – Екатеринбург, 1998.
10. *Славин Дж.*, Материалы семинара по «психологии отношений». – Ер., 1998. (Библиотека Армянской психоаналитической ассоциации, на правах рукописи).
11. Судебный процесс Талаата Паши (стенографический отчет). Под редакцией С.Степаняна. – Ер., 2007.
12. *Մելքոնյան Ռ.* «Ունեցվածքի հարկը» (Varlık vergisi) կամ տնտեսության «թրրքացման» քաղաքականությունը հանրապետական Թուրքիայում: // «Օսմանագիտական և թրրքագիտական հետազոտություններ», ՀՀ ԳԱԱ Արևելագիտության հիմնախնամի մատենաշար, 5-րդ հատոր. – Եր., 2008: (Мелконян Р., «Налог на имущество» (Varlık vergisi), или политика отуречивания в республиканской Турции. // «Османоведческие и тюркологические исследования», сборник Института востоковедения НАН РА, V т. – Ер., 2008. (на арм.яз.)).
13. *Саркисов Е.*, Положение трудящихся масс в современной Турции. – Ер., 1955.
14. *Ясперс К.* Общая психопатология. – М., 1997.
15. *Гете В.*, Фауст. // Полное собрание сочинений. – М., 1976, т. 2.
16. *Մելքոնյան Ռ.* Թուրքիա. Էթնիկ ինքնության խնդրի շուրջ: // «Հանրապետական», թիվ 1 (87), 2011: (Мелконян Р., Об этнической идентичности Турции. «Анрапетакан», №1 (87), 2011 (на арм.яз.)).
17. *Гасратян М.*, О политике турецких правящих кругов в национальном вопросе. // Проблемы современной Турции. – М., 1963, с. 138.

IS IT OUR FAULT OR “LEARNED HELPLESSNESS” AS A FALL OF “INTERNAL AGENT”?

Lilit Yepremyan

Resume

The article considers the concept of “internal agent” as an important ethnic feature. It is underlined that weakening of “self-efficiency” of ethnos might become a manifestation of transgeneration (coming through the generations) trauma caused by the coercive actions over the Armenians which had been chronicity for ages and became one of the reasons of catastrophic losses in a result of the Genocide.